

Вдумаемся: третья часть мирового культурного женского потенциала столетия принадлежит нам, а мы за все это время не научились жить по-людски, чтобы без войн, без революций, без ГУЛАГов, без бардака в экономике и без смуты в душе. И живая легенда Мордюкова несет сегодня вместе и наравне с нами все тяготы и невзгоды нашей незадавшейся жизни.

- Или, может быть, Нонна Викторовна, я сгущаю краски, а вы на самом-то деле - счастливая и преуспевающая актриса, живете в хоромах, с многочисленной прислугой?

- Господь с тобой, какая там прислуга. Я сама квартиру убираю, струю. Не раз слышала за спиной удивленное: «Смотри ты, Мордюкова сама ходит в овощной!» А кто же за меня туда ходит?

Вообще, я потрудились на своем веку не меньше моих героинь. Еще школьницей в поле работала, за скотиной ухаживала, ведра тяжелые таскала. Меньших братьев и сестер нянчила. Потом уже, институт когда закончила, так все равно оставалась старшей. И помогала младшим чем могла, потому что родителей мы лишились очень рано.

Что же касается счастья, то ведь оно, как зарница: полыхнет, захватит полнеба и погаснет. И жди опять годами, когда еще полыхнет. Конечно, и в моей жизни сверкали зарницы. Я все же не обделена известностью, кое-что сделала и для отечественного кино. И за свою работу мне не стыдно: ни от одной сыгранной роли не откажусь сегодня.

Печальнее другое. Вот я такая известная и, чего скромничать, где-то даже всенародно любимая актриса, а часто по-бабьи завидую своим коллегам-сверстницам, которые почти не оставили следа в кинематографе, зато сумели в свое время удачно выйти замуж, нарожать детей, вообще наладить семейный быт, чтобы внуки были, дача там, машина, огород. Всего этого мне сейчас не хватает. А во второй половине жизни женщина не может о таком не задумываться.

- Ну если уж говорить об итогах, то в вашем случае прежде всего - о творческих. А они-то выдающиеся. Этого отрицать никто не сможет...

- Я о себе в таких восторженных степенях никогда не скажу, хотя - повторяю - за сделанное краснеть перед людьми не приходится. Но ведь вся штука в том, что я могла бы принести искусству куда больше пользы. Не говорю уже о Наташе Ростовой или Анне Карениной - ролях, которые мне, не удивляйся, другие порочили. Даже Аксинью шолоховскую не сыграла! А мне, откровенно говоря, представлялось в ту пору, что и в искусство я пришла лишь затем, чтобы сняться в «Тихом Доне».

Да что там сняться... Я готова была лечь посреди степи и стать рекой, деревом, холмом, лишь бы только послужить фильму о земле, которую исходила в детстве и юности босыми ногами. Не послужила... Значит, не нуждались во мне «мастерские» - писатель и режиссер. Хотя мне-то самой казалось и, грешным делом, до сих пор кажется, что это не я, а они многое потянули, не пригласив меня в свой фильм. Я на Дону все запахи знаю, все травы и цветы для меня родные. Как же можно было без меня обойтись? Ох, и настрадалась я тогда, и намучилась. Но справедливости ради должна сказать, что Быстрицкая-Аксинья мне очень нравилась.

- Как же так получилось, Нонна Викторовна, что приходится с грустью констатировать всамделишную невостребованность

актрисы Мордюковой? Причем ведь и не одна вы оказались в таком положении. То есть в данном случае речь уже о проблеме отечественной культуры...

- Не буду говорить за всю культуру. Хотя много над этой проблемой размышляла, изустно и печатно выступала, и сейчас она не дает мне покоя. Даже фразу такую «родила», чем очень горжусь: «Искусство - это торжество пола». А что касается личной, как ты говоришь, невостребованности, то ее я отчасти объяснить могу.

Мне, например, не посчастливилось полюбить ни талантливого режиссера, ни умного, модного сце-

Нонна Мордюкова:

«Искусство - это торжество пола...»

нариста. Не создала я семью с человеком, который мог бы мной вдохновиться, как Феллини Джульеттой Мазини. Или у нас есть потрясающая в этом смысле пара: Панфилов и Чурикова. Подобный тандем в искусстве - великая, создающая вещь, при условии, разумеется, что супруги действительно творцы.

В меня же режиссеры по большей части «влюблялись», как, скажем, Никита Михалков. Впились пауком, выпил кровь, раскрыв при этом лишь одну грань моих способностей - и до свидания. А представь себе, была бы я молодая, да еще женой его была бы. Наверное, он рассмотрел бы во мне не только колхозную тетку.

К тому же я даже представить себе не могу «белого танца» с режиссером, вообще с кинематографом. Хотя, казалось бы, если люди себя в депутаты, в мэры, в президенты вона - косяком предлагают, то что комплексовать мне. Не могу.

Воспитание, совесть проклятые не позволяют. Позвонить режиссеру, предложить свои услуги в фильме - для меня все равно что мужчине предложить себя как женщину. Будучи одной из шестидесяти претенденток на главную роль в фильме «Трясина», я, не поверишь, за три версты обходила Григория Наумовича Чухрая: стыдилась мольбы человеку глаза.

- Во времена своих многочисленных простоев не возникало у вас мысли заняться режиссурой или так модной в артистическом кругу педагогической деятельностью?

- Нет. Ни тем и ни другим. Я вообще в жизни не занималась ничем таким, что было бы несвойственно моей натуре, моему мировоззрению. Это не дешевое кокетство.

Не знаю другой отечественной актрисы, которая бы так точно и полно соответствовала судьбе нашей культуры: при столь громадном потенциале та и другая так мало востребованы и так жалко оплачиваемы. Это тем более поразительно, что на Западе русскую культуру ценят очень высоко. Что же касается Мордюковой, то она вместе с Фаиной Раневской и Верико Анджапаридзе, по определению британской энциклопедии, вошла в число лучших десяти актрис XX века.

Когда в США, в Белом доме показали нашего «Комиссара», ко мне подошли люди из Голливуда и предложили сниматься в экранизации романа Стейнбека «Гроздь гнева». «Так я же английского не знаю!» - искренне удивилась. «Ничего, мы русскими буквами английский текст вам напишем». И съемки предлагают буквально через четыре дня. Отказалась не раздумывая. Зачем мне было, как спутанной лошади, о каждую фразу спотыкаться? Зачем играть английскую фермершу на чужом языке? Ради денег? Так они меня никогда не интересовали. И наследство оставлять некому после смерти сына.

У режиссеров Приемыхова и Пашкова, которые были со мной в делегации, глаза на лоб полезли: дескать, дура ты, Нонна, от такого фарта в жизни отказалась. И подружки потом мне примерно то же говорили. Я их ни в чем не упрекаю, упаси Господь. Но до сих пор считаю: поступила правильно, что не предала свои убеждения.

По тем же причинам педагогикой не занимаюсь. Нет у меня такой жилки, чтобы других учить, чтобы ждаль-выжидать, пока у девочки талант откроется. Или платя ей буду шить, кормить-поить, или выгоню на следующий день. Что же касается юностей, этихких непризнанных талантов, то я на них в молодости насмотрелась. Толпами вились возле юбки. Прямо ногами от них отбивалась.

- Понимаю прекрасно, Нонна Викторовна, всю деликатность, щепетильность, даже некую запретность следующей темы, но профессия заставляет спросить и о том, почему у вас не сложилась семейная жизнь с Вячеславом Тихоновым?

- Действительно, простое это дело о таких вещах рассказывать. Долгие годы я категорически не соглашалась говорить на интимные темы, а потом поняла, что в моем случае - это вид гордыни. А еще постаралась понять тех многих людей, которые хотели знать обо мне как можно больше. В их интересе, конечно, таится и простое обывательское любопытство, но и проявление определенной любви ко мне. Так и появились мои «Записки актрисы», где достаточно подробно рассказываю о своей жизни, в том числе и о неудавшемся замужестве. Кого заинтересует моя достаточно откровенная исповедь, пусть обратится к журналу «Октябрь».

Так вот, в том, что мы разошлись, ничего удивительного не было. Мы не подходили друг другу ни в чем.

Трагически не подходили. Но я-то по молодости этого не понимала и своим напором, своим желанием закружила ему голову. Он, бедный, и не выдержал натиска. Потом до меня дошло, что он мне вовсе был не нужен, но появился ребенок, и мы по христианскому обычаю стали жить. А больше мучиться... Разводился по тем временам было стыдно, да еще мама все увещевала меня: смотри, доченька, останешься на всю жизнь одна. Мама была очень мудрой, прозорливой, женским чутьем как бы предвосхищала всю мою жизнь. Она видела, что муж мой честен, порядочен и стабилен, у него не отнять. Он не выпивал, не буйнил, по сторонам не заглядывал. Полагаю, что и не изменял мне, как, впрочем, и я ему. Однако через два дня после смерти матери мы разошлись. Он женился на женщине, которая ответственность его представлению о супруге, а я, как мама и предсказала, осталась в одиночестве.

- С несколькими отрывками из вашей будущей книги мне удалось познакомиться. Есть там отдельные мотивы обиды, досады, некоторого пессимистического разочарования в том, что все так нескладно у вас получилось в семейной жизни. Нет лишь обыкновенной бабьей злобы, кстати, вполне бы оправданной, к бывшему мужу. Однако если все подытожить, суммировать, взвесить, то, простите, Нонна Викторовна, получается так, что в отчуждении, непонимании больше виноваты вы - не он...

- А так оно и было. Я виновата, только я одна. Он ведь ко мне совсем не испытывал интереса. Его наша семейная жизнь поэтому тяготила несказанно. Ни разу он не съездил на приработку - считал, что это унижает духовное артистическое начало. Но потом, для другой женщины и для другой семьи, стал-таки ездить, и очень ретиво. Интерес появился.

- Но другие потом к вам этот самый интерес испытывали и, смею полагать, немалый?

- Я же говорю: крутилось возле меня народу много. И замуж выходила, правда, без ЗАГСа. Но настоящего мужа так судьба и не дала. Такого, чтобы увидел во мне обыкновенную женщину, мягкую и податливую, как воск, обидчивую и плаксивую, которую пригреть бы и не было бы преданнее ее во всем мире... Хватит об этом.

- Не хочу опять «заезжать» с комплимента, однако вот пише-

те вы прозу. Пусть местами и не слишком профессионально, зато всегда очень интересно. У вас не только словечки, обороты незатасканные - мысли оригинальные, серьезные, глубокие. Это откуда?

- От мамы-покойницы такое наследство. Сложись у нее судьба по-иному - мама была бы прекрасной писательницей. А я себя литератором не считаю, хотя, сколько помню, понемножечку кропала. Нет для меня большего удовольствия, чем зажечь лампу, отключить телефон и за письменный стол усесться. Этой тихой радости, наверное, хватит мне на всю оставшуюся жизнь. Есть что-то особое, таинственное в самом перенесении мысли на бумагу. Я, даже роли свои заучивая, всегда переношу их сначала на бумагу.

- Ваш недавний юбилей был отмечен в стране очень широко. Сами вы к нему как отнеслись?

- Нормально. Трагедии, во всяком случае, из него не делаю. Но если серьезно, то меня в последнее время нередко посещает мысль: а стоит ли сниматься дальше? Надо ли выносить под увеличительную линзу экрана увядание, даже умом понимая, что и в нем есть своя прелесть, правда, не всем доступная? Не знаю. Эту проблему для себя я еще окончательно не решила. Скорее всего, если случится настоящая роль, которая душу мою, мысли мои всколыхнет, пойду под юпитеры. Все же большая и лучшая часть моей жизни прошла в кино. А может, и режиссер найдет, который позвонит телеграммой, как когда-то Георгий Рошаль: «Срочно высылайте Мордюкову. Волга перекрывается. Полк ждет». Не знаю...

...В картотеке международной Крымской обсерватории под номером 4022 значится планета «Нонна Мордюкова, киноактриса, народная артистка СССР». Но когда общаешься с ней, такой простой и земной, в воображении твоём никак не соединяются столь космически разновеликие вещи: звезда и эта личность. Тем более что по собственному скромному опыту знаешь: Нонне Викторовне всегда можно поплакаться в жилетку, можно попросить ее о помощи - не откажет. Те убогие старушки, пританцовывающие вокруг ее героини в «Женитьбе Бальзамина», пророчески и навечно оказались правы: «Добрая, добрая!»

Храни вас Бог, добрая и талантливая наша Нонна Викторовна!

Михаил ЗАХАРЧУК